

СМОЖЕТ ЛИ НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ СТАТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ?

М.Г. Делягин

Улучшение экономической конъюнктуры вследствие эффекта импортозамещения и роста мировых цен на нефть в 1999 г. и начале 2000 г. позволило руководству России вновь отложить решение долгосрочных проблем развития, в первую очередь проблему тотального недоинвестирования. Десятилетние «инвестиционные каникулы» в 2003 г. (на который приходится и пик выплат по внешнему долгу) способны привести к разрушению критической массы основных фондов России из-за физического износа.

Но уже сегодня из-за нерешенности долгосрочных проблем тормозится развитие российской экономики, наталкивающейся как на прямую нехватку ресурсов (прежде всего оборудования), так и на незащищенность отношений собственности. Преодоление этих препятствий требует коренной реструктуризации и оздоровления всего государства.

Экономика: инерционное сползание к новому системному кризису

Россия подошла к началу 2000 г. с лучшими показателями социально-экономического развития за всю свою пореформенную историю. Четырехкратная девальвация и рост мировых цен на нефть в 2,5 раза кардинально улучшили экономическую конъюнктуру. Истерическая агрессивность США подкрепила мировой спрос на российское оружие, а освобождение территории Чечни от международных террористов заставило государство начать оплачивать его закупки для собственных нужд. И то и другое вдохнуло жизнь во все еще значительный и негибкий военно-промышленный комплекс России.

Результатом этого «подарка судьбы» стал рост промышленности, порой превышавший 20 % в месяц и достигший по итогам 1999 г. 8,1 %, почти пятикратное увеличение положительного сальдо прибылей и убытков предприятий,

* При подготовке статьи использованы: справочники Росстатагентства «Социально-экономическое развитие Российской Федерации» за соответствующие месяцы; курс доллара указан по справочным данным Центробанка («Банковский вестник России»); динамика цен российского экспорта рассчитана на основе данных Министерства торговли; данные по исполнению бюджета приведены на основании пресс-релизов Министерства финансов об исполнении федерального бюджета за соответствующие периоды (сентябрь—декабрь 1999 г. и январь 2000 г.).

относительно низкая (36,5 %) годовая инфляция, почти двукратный (с 15,1 до примерно 30 млрд долл.) рост положительного сальдо внешней торговли, дополнительные доходы бюджета и, наконец, начало долгожданной структурной перестройки в пользу обрабатывающей промышленности, — все это не идет ни в какое сравнение не только с апокалиптическими прогнозами сентября 1998 г., но даже и с вполне рациональными ожиданиями начала 1999 г.

К сожалению, эта радужная картина частью носит статистический характер, а частью маскирует то, что Россия даже не смогла полностью оправиться от прошлогоднего спада. Главный экономический показатель — ВВП. В 1999 г. он вырос на 3,2 %, что не компенсирует прошлогоднего снижения, составившего 4,6 %. Конечно, относительная незначительность роста вызвана тем, что ВВП включает продукцию не только ускорившегося реального, но и обвалившегося финансового сектора. Говорить о каком-либо серьезном экономическом росте не приходится: экономика в целом, состояние которой выражает ВВП, не восполнила спада и в 1999 г. отстала от докризисного 1997 г. на 1,5 %.

Эйфория, таким образом, связана с реальным сектором. Однако рассмотрение итогов его развития показывает, что и здесь господствующие представления сильно приукрашивают реальность. Прежде всего так и не оправилось от кризиса сельское хозяйство. Ограниченность спроса нищающего населения, отсутствие денег и износ техники даже при сокращении импорта продовольствия привели к тому, что, несмотря на увеличение производства в 1999 г. на 2,4 %, отставание от докризисного периода составило максимальную по отраслям экономики величину — 11,1 %.

Несколько благополучнее положение с инвестициями: в январе—октябре 1999 г. их рост (за счет оживления инвестиционного процесса в сентябре—октябре) составил 2,0 %. Однако в ноябре 1999 г. тенденции динамики инвестиций вновь поменяли направление: спад в ноябре составил 0,5, а в декабре — 10,5 %. В результате годовое увеличение инвестиций составило лишь 1,0 %, а спад по сравнению с 1997 г. — 5,8 %.

Лучшие результаты в реальном секторе показывает промышленность. По итогам 1999 г. превышен докризисный уровень почти на 2,5 %. Однако даже это все же не компенсирует спада всей экономики в 1998 г. Об исчерпанности ресурсов ее дальнейшего роста свидетельствует и прекращение с конца лета 1999 г. увеличения производства по отношению к предыдущему месяцу (с исключением влияния сезонности), и колоссальное — в 2,5 раза! — сокращение за февраль—октябрь 1999 г. портфеля заказов до беспрецедентно низкого за последние два года уровня — 1,7 месяца.

Основная причина — затухание воздействия девальвации. Импорт возвращается в Россию: в сентябре, когда он увеличился на 11,3 %, его динамика впервые после кризиса оказалась лучше динамики экспорта, выросшего на 5,9 %; в октябре соотношение осталось таким же — 21,0 % против 13,9 %, и лишь в ноябре темп роста экспорта немного превысил темп роста импорта — 25,3 и 22,8%. Это свидетельствует о значительном сокращении «запаса конкурентоспособности», полученного Россией от девальвации и роста мировых цен на нефть.

Активное расширение внутреннего спроса в условиях импортозамещения конца 1998 г. и первой половины 1999 г. могло бы оживить ориентирующееся на внутренний рынок производство и восстановить его как полноправного парт-

нера экспортного сектора. Это не только решительно оздоровило бы структуру экономики, но и в корне бы изменило складывавшуюся политическую ситуацию. Однако шанс был упущен. Руководство страны не довело до реализации уже сформированную к апрелю 1999 г. на базе Центробанка инвестиционную инфраструктуру, получившую одобрение МВФ и Всемирного банка.

Таким образом, позитивного эффекта импортозамещения российской экономике хватило лишь на год; не удалось восстановить докризисную емкость внутреннего рынка. Что касается населения, то его реальные доходы за два года упали на 30,5 %: на 18,1 % — в 1998 г. и на 15,1% — в 1999 г. Россия вновь, как и в 1995 г., закопала ресурсы экономического возрождения, подаренные ей изменением конъюнктуры, в ту же самую Чечню и те же самые политические баталии.

Как и до кризиса, основным перспективным видом деятельности стал экспорт, сосредоточение на котором повышает региональную дифференциацию России и способствует ее территориальной дезинтеграции.

Ориентация исключительно на экспорт исчерпала себя и в более близкой перспективе, как из-за растущего протекционизма развитых стран, так и из-за общего снижения цен на российский экспорт. Колоссальное удорожание нефти маскирует, но далеко не полностью компенсирует этот процесс. Достаточно указать, что в январе—сентябре 1999 г. цены на российский экспорт снизились (за исключением мазута — рост на 15% и нефти — на 12 %) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года по всем основным товарным группам, в том числе на уголь — 44 %, чугун — 43 %, водку и железную руду — 32 %, ферросплавы — 28 %, зерно — 27 %, газ — 23 %, бензин — 20 %, алюминий — 19 %, электроэнергию — 17 %. Правда, следует учитывать, что столь радикальное изменение вызвано не одним только снижением мировых цен, но также и вероятным занижением экспортных цен для вывоза капитала, только неофициальный объем которого (без эффекта использования заниженных цен) составил за январь—сентябрь 1999 г., по данным платежного баланса, 16,2 млрд долл. по сравнению с 19,6 млрд долл. положительного сальдо товаров и услуг. В результате в январе—ноябре 1999 г. уровень экспорта так и не был восстановлен даже к уровню аналогичного периода 1998 г., отставая от него на 3,1 % (отставание от уровня 1997 г. составило 18,2 %).

На фоне этого стратегического тупика, в котором находится внешне все еще благополучная российская экономика, разворачивается целый ряд кризисов, которые перестает смягчать все менее благоприятная экономическая конъюнктура.

Наиболее болезненны для государства проблемы с бюджетом. Заявления правительства по поводу сверхплановых доходов имеют лишь ограниченную ценность, прежде всего потому, что из-за «предвыборной войны», войны в Чечне и самих выборов государству потребовалось значительно больше денег, чем оно предполагало даже тревожной осенью 1998 г. Поэтому оценивать напряженность бюджета надо не сравнением с 1998 г. или ВВП, а степенью исполнения текущих планов, отражающих реальные намерения и обещания правительства.

При таком подходе обнаруживается следующее. По официальным данным Минфина, в ноябре 1999 г. доходы федерального бюджета были на 19,4 % ниже текущих проектировок (в сентябре они были на 12 % ниже, в октябре — на

5,7 % выше). Что же касается расходов, то текущие проектировки по ним государство, в первую очередь из-за отсутствия внешних займов, за осень 1999 г. не выполнило ни разу: в сентябре недофинансирование расходов составило 20 %, в октябре — 13,4 %, в ноябре — 25 %. В декабре, как показывают основанные на официальных данных Минфина расчеты, проектировки федерального бюджета по доходам были перевыполнены на 27,5 % (возможно, и за счет зачетов), а проектировки по расходам были невыполнены не менее чем на 20 % (существенную роль в этом сыграло не только недополучение займов, но и значительное отвлечение средств в неиспользуемые остатки средств на счетах бюджета: в декабре они увеличились почти вдвое, и на них «зависло» дополнительно около 18 млрд руб.).

В январе 2000 г. текущие проектировки по расходам (несмотря на перевыполнение проектировок по доходам на 16,3 % путем ужесточения давления на «Газпром» и «ЕЭС России», инфляционных доходов и, возможно, опять-таки проведения зачетов) снова невыполнены, на сей раз на 7,1 % (при этом, по имеющимся данным, экспортерам не был возвращен уплаченный им НДС на общую сумму свыше 20 млрд руб.). Низкого бюджетного дефицита удалось достичь лишь в результате беспрецедентного ужесточения бюджетного администрирования — за январь неиспользуемые остатки средств на счетах бюджета сократились более чем вдвое — с 38,8 до 16,9 млрд руб. Отрицательное сальдо внутренних займов составило 9,8 млрд руб. (при том, что государственный Сбербанк купил облигаций Минфина на 13 млрд руб.), внешних — 15,2 млрд руб., а сальдо оборота госзапасов равнялось 3,3 млрд руб.

Глубину бюджетного кризиса подтверждает и реально осуществляемая политика правительства России. Так, оно еще 9 сентября 1999 г. своим распоряжением разрешило проведение зачетов между федеральным и региональными бюджетами, а в декабре начало осуществлять широкомасштабный зачет (в октябре предполагалось «зачесть» 28,5 млрд руб., но уже в конце декабря сумма выросла более чем в 2,5 раза — до 72,7 млрд руб., а зачет из-за своих масштабов затянется, как предполагается, до 1 апреля 2000 г., т. е. на весь период президентской предвыборной кампании). Есть основания полагать, что успешное выполнение (по крайней мере декабрьских и январских) бюджетных проектировок по доходам было вызвано прежде всего возвращением к практике широкомасштабных зачетов.

Следует помнить, что при финансировании государственного управления, обороны, милиции, судов, МЧС, социальной сферы и оказании помощи регионам почти на 100 % вся тяжесть недофинансирования ложится на остальные статьи расходов, в первую очередь на реальный сектор.

Неисполнение обязательств перед ним дополняется естественным в условиях бюджетного кризиса усилением налогового пресса. В ноябре 1999 г. его жертвой пал «Газпром», увеличивший платежи в бюджет не менее чем на 40 % (до 8,57 млрд руб., что составило 22,6 % всех сборов Министерства по налогам и сборам; январское перевыполнение текущих бюджетных проектировок также было обеспечено, по официальным данным, в основном за счет «Газпрома» и «ЕЭС России»). В результате «Газпром», по-видимому, был вынужден сократить неоплачиваемые и потому убыточные поставки электроэнергетикам в четвертом квартале 1999 г. на 12 %, что обострило нехватку энергии и угрозу вымерзания городов.

Иными словами, состояние бюджета способствует дальнейшему углублению топливного кризиса. При этом нехватка электроэнергии из-за дороговизны топлива (а реальные масштабы роста внутренних цен на нефтепродукты не учтены бюджетом не только 1999 г., но и 2000 г.) маскирует тот факт, что реальный сектор начинает страдать не только от дороговизны электроэнергии, но и от ее прямого отсутствия. А.Б. Чубайс, в частности, признал, что даже незначительное оживление российской экономики осенью 1999 г. создало проблемы с обеспечением электроэнергией. Известны случаи, когда ее отключали не только у неплательщиков, а у всех подряд — просто потому, что ее не хватало.

А это признак самого неприятного кризиса — дефицита материальных ресурсов. Упустив свой шанс в 1999 г., Россия вступает в качественно новый этап деградации, когда ее развитие впервые после «падения в рынок» сдерживается не финансово-политическими, а ресурсными ограничениями. Если раньше все упиралось в неумение нижегородско-чикагских митрофанушек организовать финансирование необходимых проектов, не допустив прорыва инвестиционных средств на валютный рынок, то ныне сдерживает нехватка не денег, а материальных ресурсов. Россия заканчивает проедать накопленное за весь послевоенный период «наследство СССР». Восполнение того, что она привыкла брать из его казавшихся неисчерпаемыми запасов, требует совершенно другой организации экономики и совершенно другого государства.

Движение же по инерции ведет в пропасть: по оценкам, сохранение сегодняшних тенденций еще в течение двух лет неминуемо приведет в первом десятилетии XXI в. к спаду производства, инвестиций и потребления на 8—12 %. Понятно, что такой спад относительно нынешнего уровня — это распад России.

Сегодня село задыхается без техники. Именно это, а не плохая погода — главная причина неурожая 1999 г. В этом же и причина прогнозируемого неурожая 2000 г.: заплатить производителям при наличии политической воли можно хоть завтра, но успеть вовремя произвести технику уже не удастся. А неурожай 2000 г. — это зерновой кризис летом 2001 г. Он неизбежен так же, как и перебои с зерном летом 2000 г., подобные тому, что происходили в отдельных регионах России в августе 1999 г.

В течение ближайших трех лет плоды длительного недоинвестирования начнут пожинать даже нефтяная и газовая промышленность. Еще немного, и никакое «авральное» финансирование передовых технологий и геологоразведки не спасет их от последствий десятилетней «инвестиционной паузы». А.Б. Чубайс считает, что сохранение нынешнего уровня инвестирования в электроэнергетике приведет к ее глубокому кризису в течение 4—5 лет.

Нехватка компетентных управленцев при колоссальном количестве обучающих структур маскирует чудовищное падение общего уровня образования и квалификации, при котором наблюдается дефицит не только менеджеров, но и образованных инженеров. Начавшееся осенью 1998 г. оживление ВПК столкнуло многие предприятия с такой экзотической для России проблемой, как дефицит рабочих.

Фактическое уничтожение здравоохранения как работающей системы и продолжающаяся пандемия наркомании ведут к тому, что в обозримом буду-

щем реальный сектор России столкнется с нехваткой физически и психически здоровых людей.

В 2003 г. кризис внешнего долга (придет время платить по долгам С.В. Кириенко) наложится на критический уровень износа оборудования. Россия может не пережить этого системного кризиса, если подойдет к нему в нынешнем состоянии.

Незащищенность собственности

Не менее жестким, чем столкновение с нехваткой натуральных ресурсов, ограничением возможностей развития реального сектора, проявляющимся в нем болезненнее, чем в других секторах экономики, является незащищенность собственности. Откровенно криминальное законодательство о банкротстве (достаточно указать, что временный управляющий не несет ответственности за фальсификацию решений собрания кредиторов, а последние не имеют возможности изменить сфальсифицированное решение) в условиях всеобщих неплатежей превратило передел собственности в еще более выгодный бизнес, чем взаимозачеты.

Предусмотренная законом процедура, прямо противореча духу самого закона, делает временного управляющего независимым от кредиторов и подчиняет его только одному человеку — назначившему его арбитражному судье. Тот, естественно, никогда не захочет признавать грехов своего подопечного: ведь тем самым он будет порицать самого себя. Поэтому предприятия абсолютно беззащитны от атак под видом банкротства и могут противодействовать им, либо создавая разветвленные службы безопасности, либо переходя под политический (в конечном счете и финансовый) контроль региональных властей. И то и другое качественно повышает издержки производства и снижает конкурентоспособность. И то и другое чревато серьезными политическими последствиями: первое — криминализацией, второе — разделением России на 89 «удельных княжеств» не только в политическом, но и в экономическом смысле.

Единственное, что было сделано для защиты прав собственности после кризиса 1998 г. (впрочем, и до него тоже) — это отмена правительством Е.М. Примакова ускоренного банкротства.

Проблема защиты собственности не была решена и в 1999 г. Более того, она усугубилась, ибо финансовое оздоровление значительного количества предприятий резко повысило количество «лакомых кусочков». Ослабление федеральной власти в результате частой смены премьер-министров разожгло аппетиты всех «едоков» — и губернаторов, и растущих новых финансовых групп. Сезон выборов дестабилизировал политическую ситуацию, что создало благоприятные возможности для изменения структуры собственности, которая в России во многом определяется политическими факторами.

Излишне объяснять, что происходит с предприятием, когда его начинают рвать на части соперничающие группы, если инструментом передела служит, как правило, искусственное, но от этого не менее болезненное банкротство. Положение предприятий усугубила победа губернаторов над мультирегиональными и даже общедоказательными компаниями, что усилило дезинтеграцию

российских капиталов и регионализацию страны, «запущенные» августовской катастрофой.

В самом деле, к каким бы негативным последствиям ни вела деятельность пресловутых «олигархов», они были мощным, хотя и варварским инструментом экономической интеграции России и сдерживания регионального сепаратизма. Крах крупных финансово-промышленных групп после кризиса раздробил российские капиталы. Предприятия вздохнули свободно не только из-за девальвации, но и из-за гибели банков, высасывавших из них финансовые ресурсы. В экономике и политике уменьшился монополизм, укрепилась конкуренция. Однако место олигархов, пусть худо-бедно, но все же выразивших нужды и интересы реальной экономики в диалоге с государством, осталось незанятым. В результате государство «лишилось собеседника», а реальный сектор — каналов давления на государство и его экономическую политику.

Вместе с тем большинство выживших общефедеральных и мультирегиональных компаний, ресурсы которых на порядок уступали ресурсам погибших гигантов, не могло противостоять региональным властям даже в целях самозащиты. И накануне выборов в Государственную думу ряд губернаторов решительно, с молчаливого согласия федеральных властей на передел собственности в обмен на политическую лояльность, «потянули одеяло на себя».

Необходимая экономическая политика

В чем же причина неудачи, постигшей реальный сектор России, которому в 1999 г., казалось, было дано все? И с какого конца братья за решение накопленных проблем?

Ответ на первый вопрос прост. Надежды 1999 г. провалились потому, что государство под прикрытием разумных слов о государственном регулировании продолжало ту самую суперлиберальную политику невмешательства в экономику, и в частности в реальный сектор, которая в 90-е годы трижды (в конце 1991 г. и начале 1992 г., в октябре 1994 г. и августе 1998 г.) вызывала в России экономическую катастрофу, переходившую в катастрофу политическую (распад СССР и уничтожение советского «среднего класса» в конце 1991—1992 гг., война в Чечне и формирование антидемократического «корпоративного государства» в 1994 г., дискредитация либеральных ценностей и Запада в целом в 1998 г.). Своей экономической политикой 1999 г. государство еще раз подтвердило бесспорную истину: если тяжелобольного не лечить, он умрет.

Надежды на то, что улучшение конъюнктуры после девальвации само разрешит все проблемы, нежелание или неумение организовывать экономический рост (а его надо именно «организовывать» — создания благоприятных условий недостаточно), превращение импортозамещения в такую же икону, какой раньше был низкий бюджетный дефицит, — все это привело к неожиданно быстрому исчерпанию того импульса, который получила Россия в результате девальвации. Слабость государственного регулирования (точнее, отсутствие антимонопольной политики) превратила в стихийное бедствие даже такой дар судьбы, как более чем двукратный рост мировых цен на нефть.

Надо признать: помимо либерализма недоученных реформаторов и успешных бизнесменов (которым льстит то, что либерализм — это религия сильных,

снимающая с них моральную ответственность за слабых), в России безумствует и торжествует ничуть не менее страшный стихийный либерализм бюрократии. Чиновник выбирает либерализм как единственное учение, оправдывающее и возводящее в высшую мудрость его лень и безграмотность, как единственное учение, не пытающееся оздоровить неэффективное государственное управление, а превращающее его в фетиш и неизбежное явление природы.

1999 г. еще раз убедительно доказал: ключ к оздоровлению экономики в оздоровлении государства. Без него любая экономическая политика вырождается в словоблудие, и происходит ее дальнейшее разложение. Без этого Россия бездарно упустит все возможности, растратит ресурсы и лишится всяких исторических шансов. А что делать по мере оздоровления государства, известно с 1994 г. Первый шаг — искоренение «государственного рэкета» в отношении предпринимателей, беспощадная борьба с коррупцией, построенная на отделении ее жертв — предпринимателей, попавших в сети незаконных поборов, от чиновников, устанавливающих эти сети.

Повысив свою эффективность до минимального уровня, государство должно обеспечить прожиточный минимум каждому гражданину России. Каждый человек имеет право на жизнь сейчас, а не через десять лет, не после построения капитализма и не после начала экономического роста. А право на жизнь — это и есть гарантированный прожиточный минимум. Любой человек должен быть спокоен за плоды своего труда. Соответственно государство должно гарантировать рублевые вклады граждан в контролируемых им банках, первоначально в ограниченном размере.

Необходимо остановить рост цен на жилищно-коммунальные услуги, пока их оплата не станет непосильной для населения, и сосредоточить жилищно-коммунальную реформу на повышении эффективности жилищно-коммунального хозяйства.

Активная промышленная политика, включающая массовую реструктуризацию долгов, восстановление разорванных технологических цепочек и разрушенных территориально-промышленных комплексов, способна сама по себе обеспечить ежегодное создание более 1 млн новых рабочих мест.

Государство должно поддерживать стремление предпринимателей к росту, выводя районный бизнес на уровень региона, региональный — на уровень страны, общенациональный — на мировые рынки.

Наконец, государство должно защищать собственность от любых посягательств и переделов. Ведь без прав собственности нет и прав человека, без них нельзя построить рынок. Без их незыблемости экономика стоит на песке. Честно заработанная собственность священна, ибо она есть воплощенный труд. Значит, необходимо декриминализовать процедуру банкротства, поставив ее под жесткий контроль государства. Следует создавать управляющие компании, в том числе государственные, специализирующиеся на внешнем управлении под жестким контролем государства.

Если рассматривать конкретные направления экономических преобразований, в первую очередь надо обратить внимание на налоговую систему. Она должна быть упрощена, налоги снижены. Необходимо резко, до 10—15 %, уменьшить налог на прибыль. Последнее позволит легализовать прибыль, что не только снизит криминализацию экономики, но и улучшит ее финансовые показатели, а с ними и инвестиционную привлекательность.

Бюджетные закупки должны жестко контролироваться. Надо искоренить практику навязывания посредников, спекулятивно завышающих цены. Бюджет должен закупать только российские товары (исключение — уникальные товары) — деньги россиян должны оставаться в России.

Государство призвано всемерно стимулировать экспорт, в частности путем прямой экономической и политической поддержки. В отношении импорта нужен разумный протекционизм, защищающий отечественного производителя, но не создающий для него «тепличные» условия. Применение тарифных и нетарифных мер должно стимулировать импорт непроектируемого в России оборудования и выпуск в России импортируемых товаров.

Наконец, требуется принять меры для стимулирования инвестиций. Пока не обеспечена прочная защита собственности государство должно компенсировать ее незащищенность формированием инвестиционной инфраструктуры — банков развития, механизмов защиты инвестиций, включая переучет Центробанком векселей первоклассных проектов и страхование. Эта система должна обеспечивать сохранность инвестиций и осуществлять государственные инвестиции, прежде всего в инфраструктуре.

Правительство Е.М. Примакова не успело ввести в действие подобную инфраструктуру из-за слабости и бюрократизированности государства, но провело все необходимые подготовительные работы, что позволяет при желании развернуть ее почти мгновенно. Естественно, эта система, как и было согласовано с МВФ и Всемирным банком, ни при каких обстоятельствах не будет конкурировать с коммерческими инвестициями. Напротив, в каждой конкретной сфере она должна поддерживать их, пока те не окрепнут настолько, что смогут продолжаться без ее помощи. Важный путь стимулирования инвестиций — выдача гарантий. Для государства они дешевле кредитов. На предприятии же они воспитывают менеджеров, которые ищут инвестора и убеждают его.

Необходимо вдохнуть новую жизнь и в фондовый рынок. После кризиса 1998 г. он находится в «придушенном» состоянии. Государство должно целенаправленно развивать его прежде всего как инструмент привлечения инвестиций в реальный сектор. Неудача прежних попыток во многом была вызвана отсутствием такой постановки задачи. В результате фондовый рынок оставался оторванным от реального сектора и становился жертвой спекулянтов.

К сожалению, возможности традиционных источников инвестиций достаточны только для выживания. Для обеспечения модернизации России их мало. Значит, надо искать новые пути и механизмы их осуществления. В частности, предстоит весьма серьезно подумать о вовлечении земли в финансовый оборот. Конечно, начинать его без честного суда, эффективного государства, жесткой антимонопольной политики нельзя. Страна получит новый импульс к деградации, новый виток монополизации, правда, на сей раз уже не в виде олигархов, а в виде латифундистов — и в конечном итоге не инвестиции, а такой же разгул преступности и коррупции, какие были в ходе приватизации. И эти явления вновь ударят не только по России, но и по всему миру.

Поэтому следует действовать осторожно, но обязательно действовать. Промедление не просто «подобно смерти», а равнозначно ей. Так же, как и забвение того, что преодолевать подступающую разруху в экономике можно с оздоровления не самой экономической политики, а лишь механизма ее выработки и реализации — системы государственного управления.

На распутье между двухпартийной демократией и военно-полицейской бюрократией

В сложившейся ситуации естественным является вопрос о результатах парламентских выборов. Продвинули ли они Россию вперед на пути к решению перечисленных проблем или, напротив, отбросили назад еще дальше?

Главные итоги и уроки выборов заключаются в торжестве государства и демонстрации его абсолютного превосходства над остальным обществом. Проходившие под флагом борьбы «новой оппозиции» — блока «Отечество — Вся Россия» и дискредитировавшего себя окружения президента, сомкнувшегося вокруг «военного премьера» В.В. Путина, выборы завершились убедительной победой Кремля.

Первое место КПРФ преопределила тотальная нищета населения. Однако, несмотря на то, что 35 % граждан имеют доходы ниже прожиточного минимума, за КПРФ проголосовали лишь 24 % избирателей. Простое сохранение прежних позиций в нынешней социально-экономической обстановке следует расценить как безусловную неудачу.

Вместе с тем антикоммунистические настроения не имеют под собой реальной почвы. Бюрократизация и видимый рост благосостояния руководства КПРФ способствуют ее уверенному движению к состоянию нормальной социал-демократической партии. Это подтверждается не только притоком в КПРФ в последний год значительного числа образованной молодежи, стремящейся к идеалам патриотизма, но и некоторыми особенностями конфигурации политической жизни России.

Справа от КПРФ на левом фланге политического спектра нет никого — она непосредственно соседствует с различными центристскими образованиями, роль которых раньше выполнял НДР, а сегодня она принадлежит ОВР. Слева же от КПРФ благоденствует множество партий разной степени экстремизма, устойчивый электорат которых оценивается в 7 %. Это значит, что КПРФ полностью удовлетворяет потребность общества в социал-демократии, оставляя неудовлетворенной его потребность в левом экстремизме. Следовательно, если КПРФ еще не стала социал-демократической партией в прямом смысле этого слова, то, во всяком случае, не слишком от нее отличается.

Второе место в думских выборах прокремлевского блока «Единство», который состоит из малоизвестных личностей, членораздельно не формулировавших свое политическое кредо, лишь частично можно объяснить пропагандистской кампанией, организованной государством против своих оппонентов и в свою пользу. Неудобные региональные телеканалы закрывались под произвольно выдумываемыми предложениями. Неудобная информация не выпускалась в эфир. Впервые с президентских выборов 1996 г. был восстановлен институт цензоров, но в отличие от того времени он принял тотальный характер.

Кроме того, Закон о выборах нарушался открыто и повсеместно: лидер блока «Единство» С.К. Шойгу, будучи министром, пользовался для предвыборных поездок служебным самолетом, а второе лицо блока А. Карелин на заседании правительства, перед телекамерами, просил премьера помочь в предвы-

борной кампании и встретил не отпор, а полное понимание. Наконец, тогда еще только премьер В.В. Путин перед телекамерой проводил селекторные совещания, на которых руководители регионов, чтобы получить причитающиеся им трансферты, рапортовали о количестве голосов избирателей, которые они обеспечат «за наш родной блок «Единство»».

Страна была обклеена плакатами с портретами Шойгу и Путина и лозунгом «Путин и Шойгу — это Единство!». Разъяснения, что всякий, поддерживающий Путина, должен голосовать за Шойгу, так как парламентские выборы являются репетицией президентских, также приняли массовый характер. Возмущавшиеся этими нарушениями закона сталкивались с достаточно жестким и демонстративным давлением. Во всех этих действиях, как и в советское время, представители государства опирались на полную поддержку судебных органов. Все силы государства были брошены на помощь блоку «Единство».

И все-таки, несмотря на это, по данным ряда социологических групп, ведших постоянный мониторинг настроений избирателей в регионах России, рейтинг «Единства» не превышал 11 %. Рекорд был поставлен в Красноярском крае: накануне выборов он составлял 12 %. Результат в 23 %, объявленный Центризбиркомом, я не могу объяснить иначе, как массовыми фальсификациями или же махинациями с системой электронного подсчета голосов ГАС «Выборы», по неизвестным причинам работавшей в предвыборную ночь удивительно медленно и неравномерно.

Плохая организация, неумение пользоваться информационными технологиями, отсутствие харизматического лидера превратили блок ОВР в «дергающуюся мишень». Нет сомнения, что окружение президента Б.Н. Ельцина не простило лидеру ОВР Е.М. Примакову его заявления о необходимости борьбы с преступностью и коррупцией и продолжило линию на уничтожение ОВР — до распада на лужковское «Отечество», региональную «Всю Россию» и аграриев.

Сплотившееся вокруг В.В. Путина окружение первого президента надеялось повторить сценарий 1996 г. и выборов на Украине, когда вышедший во второй тур представитель правящей бюрократии убедительно побеждал коммуниста, пользуясь антикоммунистическими настроениями в обществе.

Однако при таком подходе игнорируется тот факт, что восемь лет пребывания у власти реформаторов-демократов полностью реабилитировали коммунистов и вытеснили из общественного сознания негативные последствия трех четвертей века их господства (частушка 1989 г. «Откопаем Брежнева, будем жить по-прежнему» через десять лет вполне годилась на роль политического лозунга). Правда, последние выборы в Государственную думу показали, что решительное и попирающее закон вмешательство государства в процесс выборов способно переломить в его пользу почти любую ситуацию.

Политическая конфигурация в России на первый взгляд выглядит как зародыш формирования нормальной двухпартийной системы: на левом фланге — весьма умеренная КПРФ, на правом — формально разношерстный, но спаянный единым хозяином и едиными интересами «кремлевский блок», включающий в себя созданное Б.А. Березовским «Единство», вскормленный А.Б. Чубайсом СПС (оппозиция которого случайна и в перспективе может быть преодолена) и блок В.В. Жириновского.

На деле же в России фактически восстановлена однопартийная система, Государственная дума перестала быть самостоятельным органом государственной власти. Она превратилась в придаток даже не исполнительной власти, а одного-единственного возглавившего ее человека. С функциональной точки зрения такая Дума не отличается от Верховного Совета социалистических времен.

Если рассматривать ситуацию в динамике, то можно увидеть стремительное движение от демократии, еще существовавшей до войны в Чечне, к военно-полицейской диктатуре, эффективно устанавливающей информационную монополию и использующей войну и сотни тысяч беженцев в качестве предвыборного ресурса, без колебания и оглядки на закон обрушивающей на внутреннего политического противника мощь государственной машины.

В качестве силы, сдерживающей федеральные власти, часто называют регионы. Они действительно пользуются исключительными правами, но только в том случае, если центральная власть обращает внимание на декларируемые ею законы. Жесткое давление на регионы, как финансовое, так и административное, доходящее, возможно, до уголовных преследований, не только подчиненных и членов семей, но и самих непокорных губернаторов, будет, по-видимому, только усиливаться. Выборы в Госдуму и энергичное использование судебной власти против непокорных губернаторов показали эффективность этих методов.

Кроме того, Министерство по налогам и сборам намерено присвоить себе право определять место регистрации любого крупного налогоплательщика. Это попрание даже минимальных свобод хозяйствования имеет глубокий политический смысл: устанавливая место регистрации крупных налогоплательщиков, правительство получит возможность по своему произволу определять доходы региональных бюджетов и внезапно менять их. Финансово-бюрократический прессинг, механизм которого создается этим решением, способен обеспечить полную покорность любого губернатора всем желаниям самого незначительного чиновника правительства.

Следовательно, нарушение государством в ходе выборов демократических норм и законодательства быстро возвращает Россию к авторитаризму, возможно, «с технократическим лицом», по образцу пиночетовского Чили или салазаровской Португалии.

В любом случае представляется невероятным, чтобы федеральное руководство, занятое жестокой политической борьбой и финансовым усмирением регионов, всерьез занялось экономическими проблемами. Борьба с коррупцией, необходимая для оздоровления экономики и государства, в силу особенностей победителей, скорее всего, останется не более чем инструментом устранения политических противников. Бесправие населения лишь увеличится, и, значит, государство не будет иметь политической необходимости повышать емкость внутреннего рынка при помощи восстановления его доходов, что фактически заморозит развитие российской экономики. Наконец, инвесторы, как иностранные, так и отечественные, не захотят работать в стране, живущей по бандитски-бюрократическим понятиям, погружающейся в пучину международной изоляции и экономического кризиса.

Построение авторитарной системы

Демократия по типу Веймарской республики, которая существовала в нашей стране до выборов, носивших (если рассматривать события июля—декабря 1999 г. в комплексе) характер не столько демократической процедуры, сколько хорошо спланированной и организованной операции спецслужб, в принципе не смогла решать кардинальные проблемы России. Контроль за СМИ создает «манипулятивную демократию»: государство может, используя демократические институты, добиваться любого нужного себе результата. Демонстративные силовые акции против независимых журналистов, осуществляемые с вопиющим пренебрежением не только к закону, но и к здравому смыслу, не говоря уже о финансовом давлении (например, на НТВ), оказывают весьма эффективное воздействие даже на те СМИ, которые не зависят от государства непосредственно.

Безнаказанное нарушение Закона о выборах в ходе парламентских выборов показывает, что новые лидеры государства не обращают внимания на закон, если он им не нужен, и способны эффективно обезопасить себя от любых неудобств, связанных с такой позицией. При этом общество не влияет на государство, а государство не ответственно перед обществом. В условиях продолжающейся войны в Чечне (которая перейдет в партизанскую с наступлением тепла) внешняя жесткость В.В. Путина обеспечит ему устойчивую поддержку со стороны основной части российских спецслужб.

Запад в конце концов безусловно поддержит сильнейшего. После агрессии против Югославии, как задним числом выяснилось абсолютно неспровоцированной, и организованной НАТО в Косово этнической чистки сербского населения всерьез верить в ценность «прав человека» для политиков развитых стран может только крайне наивный и ограниченный человек.

Требования Запада к новому руководству России объективно ограничены способностью последнего поддерживать внутренний порядок и защищать развитые (но не развивающиеся!) страны от последствий его нарушения (аварии на АЭС, экологические катастрофы, массовое передвижение беженцев). Ради надежды на сохранение в России «порядка любой ценой» Запад с легкостью закроет глаза и на «манипулятивную демократию», и на второй раунд чеченской мясорубки, и на присвоение себе права нанесения первого ядерного удара, не говоря уже о таких мелочах, как беспощадное подавление новых диссидентов (трагедия которых будет использоваться как разменная карта при обсуждении по-настоящему значимых проблем).

«Оселком» для нового руководства России будет не Чечня (Запад понял, что Россия опять увязла там по уши и не может сделать практически ничего), а борьба с коррупцией, в первую очередь в лице ее нелюбимого в развитых странах символа — Б.А. Березовского. Подобная ориентация является лучшим подарком для стремящегося к политической самостоятельности В.В. Путина. К тому же она позволит бороться не с коррупцией как системообразующим элементом российского общества, а с отдельными коррупционерами, что значительно проще. Под флагом борьбы с коррупцией проводится политическая

чистка и новый этап консолидации власти. Демонстративное и при этом мягкое (чтобы не обидеть нежелательного свидетеля) отстранение Б.А. Березовского позволит России, при разумной переговорной политике, получить средства МВФ уже летом 2000 г.

СМИ, спецслужбы и благорасположение Запада — вот три кита, на которых зиждется незыблемость политической власти в современной России. При обеспечении устойчивой поддержки с их стороны В.В. Путину остается ликвидировать лишь незначительные очаги потенциальной политической независимости.

Контроль за Государственной думой достигнут в ходе «январского переворота», когда «блок коммунистов и беспартийных путинцев» («Единство») утвердил сталинское понимание демократии, которая почти официально трактуется не как учет мнения меньшинства, а как подчинение меньшинства большинству в духе «демократического централизма». При этом знаменательна попытка избрания спикером никому не известной Слиски — это не только отвлекающий (и очищающий Путина от обвинений в поддержке КПРФ) маневр, не только проявление советского «анкетного» подхода (не важно, какой она специалист, главное, что партийная женщина улучшит статистику), но и удар по влиянию Государственной думы, которой, оказывается, вполне по-ленински может управлять кто угодно.

КПРФ успешно торгует с Кремлем своим протестным потенциалом, ОВР более чем уязвима перед финансовым давлением на губернаторов и представляет собой полностью недееспособную «партию заблудившихся начальников», «Яблоко» же под руководством «Жириновского для интеллигенции» объединяет вполне безопасных истериков. Некоторую угрозу представляет собой лишь СПС, так как ее реальный лидер А.Б. Чубайс не скрывает своего намерения участвовать в президентских выборах 2004 г., однако эта партия без поддержки Кремля нежизнеспособна и неопасна для него.

Сочетание финансовых, информационных и силовых методов способно раздавить любую политическую оппозицию «в зародыше».

«Пятая колонна» высокопоставленных российских чиновников, сотрудничавших с чеченцами, деятельность которой, насколько можно понять, никогда даже не пытались расследовать, будет куплена возможностью широкомасштабного воровства при восстановлении Чечни — восстановлении экономики рабовладельческого общества в условиях партизанской войны.

Контроль за региональными властями достигнут еще в ходе подготовки к парламентским выборам путем искусного сочетания административных и финансовых рычагов. Бюджетный кодекс и Чечня, с одной стороны, и передел собственности, с другой — постоянные «кнут и пряник» для губернаторов и инструмент создания жесткой вертикали власти.

«Обсуждение» 100 % продажи валютной выручки в начале января 2000 г. показало: *сопротивление экспортеров преодолимо* даже в отношении наиболее болезненных для них вопросов. Одним из механизмов этого стала «отмена толлинга», в ходе которой благодаря изменению режима внешнеэкономической деятельности полезный или как минимум безвредный для страны внутренний толлинг был кардинально ограничен, а внешний, наиболее болезненный с точки зрения неконтролируемого вывоза капитала, поощрен.

Это позволило государству в соответствии с принципом «разделяй и властвуй» обеспечить благожелательный нейтралитет наиболее энергичной группировки металлургов, связанной именно с внешним толлингом, в столкновениях по поводу продажи 100 % валютной выручки. Недовольство же топливного лобби не слишком опасно из-за его финансовой истощенности (при разрыве в валютных поступлениях в 2,4 раза металлургия платит федеральных налогов в 5,2 раза меньше, чем топливная промышленность, — соответственно 2,3 % против 11,9 % от их общей суммы). Иначе говоря, весьма значительную часть финансовых ресурсов, влияющих на политическую жизнь России, образуют именно «металлические» деньги.

Следует также отметить, что увязание России в Чечне вкупе с вероятной, по предупреждению В.В. Путина, серией террористических актов сохранит в обществе мобилизационную психологию.

Выбор, который предстоит сделать Путину

Описанное выше — материальное дополнение информационно формируемого «культа личности». Страхи относительно личности и намерений наиболее вероятного президента естественны при нехватке информации о его ценностях и целях (всерьез воспринимать предвыборные заявления наблюдатели уже отучились), но не более обоснованны, чем его слепое и массивное возвеличивание, продолжающееся в течение нескольких месяцев и вызывающее в памяти старшего поколения реалии «культа личности».

Строго говоря, России в ее положении пугаться просто нечего: по оценкам, сложившиеся тенденции приведут ее к катастрофическому распаду через 4—5 лет. И возврат к авторитаризму в этой ситуации — хотя и не очень приятное, но, по-видимому, неизбежное проявление инстинкта самосохранения общества, вероятно, необходимое, но еще далеко не достаточное для выживания.

Станет новый президент могильщиком или спасителем России, зависит только от его способности решить описанные выше экономические проблемы. В.В. Путин может направить развитие России по одному из трех основных направлений: инерционная агония, сверхжесткая (балансирующая на грани террора) либеральная диктатура, проведение комплексного оздоровления экономики.

Инерционная агония

Самое невероятное и с политической, и с психологической точки зрения, что может сделать В.В. Путин — президент, — опустить руки и направить развитие России «на самотек» по примеру своего предшественника. Фактором, способным создать такую модель поведения, может стать толерантное по отношению к нынешним властям поведение Запада.

Реструктуризация долгов Лондонскому клубу и восстановление масштабного кредитования со стороны МВФ и Всемирного банка вскоре после президентских выборов способны создать у российской политической элиты ощущение относительного благополучия и достаточности проводимой политики минимизации осознанного вмешательства государства в экономику.

При этом будет демонстрироваться «приверженность реформам», в первую очередь в сфере урезания и без того ничтожных социальных расходов и усиления фискального давления на естественные монополии. Их реструктуризация будет без особой огласки заменена продажей все больших пакетов акций крупным иностранным инвесторам.

Реальная пассивность государственной власти сохранит сложившиеся тенденции социально-экономического развития, ведущие Россию в никуда. В этом случае в 2000 г. ВВП будет стабилен или возрастет до 1 %, промышленное производство — до 3 %, инвестиции — до 2 %. Реальные доходы населения вырастут не более чем на 3 %. Среднегодовой курс доллара составит около 30 руб., а годовая девальвация — 22 %. Инфляция составит — около 30 %, что ослабит рост экспорта и будет содействовать возвращению импорта на российские рынки. Реальные доходы населения вырастут не более чем на 5 %. Таким образом, 2000 г. станет относительно благополучной прелюдией к многолетнему погружению в кошмар экономического и политического распада.

Инвестиционный бум в отраслях конечного спроса и переработки продолжится, хотя и в меньших масштабах, чем в 1999 г. (тогда в отдельных подотраслях рост прямых инвестиций достигал 30—50 %). В то же время износ основных фондов систем жизнеобеспечения и крупных предприятий ТЭКа продолжится прежними темпами.

Это приведет к формированию менталитета высшего менеджмента соответствующих структур по принципу «спасайся, кто может!» и нарастанию в преддверии очевидной для всех участников рынка катастрофы (сочетания в 2003 г. кризиса внешнего долга с достижением основными фондами систем жизнеобеспечения критического уровня износа) вывоза капитала за рубеж.

В целом данный вариант развития представляется промежуточным, так как инстинкт самосохранения толкнет государство, а в его лице и все общество к кардинальным изменениям и переходу либо ко второму, либо к третьему варианту.

Либеральная диктатура

Наиболее вероятным развитием событий кажется попытка проведения В.В. Путиным суперлиберальной политики, направленной на тщательное выполнение рекомендаций МВФ и отказ государства от активного и осознанного регулирования экономики.

Этот сценарий наиболее вероятен потому, что в сфере экономической политики В.В. Путин своего рода *tabula rasa*, «чистая доска», писать на которой будет его окружение. Это окружение составляют на начало 2000 г. три основные группы, опираясь на которые, он идет к власти: абсолютно равнодушные к вопросам экономики (даже больше, чем он сам) соратники из «новой ленинградской группы» (в значительной степени выходцы из спецслужб) и наиболее влиятельные кланы Чубайса и Березовского (Путин стал лидером страны именно потому, что впервые после Давоса 1996 г. сумел запрячь эти группы «в одну упряжку»).

Кланы Чубайса и Березовского уже сейчас жестоко грызутся друг с другом, а после победы Путина на президентских выборах между ними начнется война на уничтожение. Однако для экономической политики страны эта «драка

бульдогов под ковром» не имеет почти никакого значения. Ведь и чубайсовцы, и «подберезовики» по отношению к экономической политике являются законченными либералами, стремящимися к максимальному ограничению функций государства и превращению его в «ночного сторожа» — сначала по функциям, а затем по интеллектуальному, административному и финансовому потенциалу. Следует отметить, что им удалось продвинуться по этому пути весьма значительно, о чем свидетельствует как вся пореформенная история России, так и нынешнее состояние государства.

Но даже если в борьбе эти группы взаимно уничтожат друг друга, освобождение В.В. Путина от их влияния отнюдь не обязательно приведет к его расставанию с либерализмом, прежде всего потому, что он сформирует собственную экономическую команду из представителей этих групп (больше просто не из кого), по тем или иным причинам отколовшихся от них.

Классическим примером является знаменитое интервью В.В. Путина одному из «цепных псов Березовского» М. Леонтьеву. Говоря о новой роли государства в экономике, Путин почти дословно воспроизвел классический либеральный лозунг о том, что государство должно ограничиться созданием для всех участников хозяйственной деятельности равных условий. Споры нет, эта задача важна, однако ограничение всей экономической политики только ее решением полностью противоречит не только практике всего мира, включая как развитые, так и развивающиеся страны, но и объективным потребностям России.

Накопившиеся диспропорции достигли масштабов, не позволяющих преодолеть их стихийных изменений. Эти изменения должны направляться государством — вне зависимости от того, хорошо это или плохо с идеологической точки зрения, а просто потому, что государство является единственным субъектом, способным решить эту задачу.

Иллюстрация 1. Чечня

Неприменимость либеральных рецептов в современной России ярче всего иллюстрирует гиперболизированный пример Чечни, 10 лет прожившей фактически в условиях рабовладельческого общества. Попытки восстановления ее экономики некоторое время исходили из вполне либерального предположения о необходимости и достаточности создания условий для того, чтобы население Чечни могло само зарабатывать себе на хлеб.

Однако эта либеральная точка зрения оказалась в корне неверной. Оказалось, что людям, привыкшим зарабатывать себе на хлеб криминальными методами, вплоть до рабовладения, недостаточно создать условия для производительного труда: они отвыкли от него и не хотят заниматься им, по привычке рассчитывая на «легкие», преступные деньги. Недостаточно создать им условия для экономически эффективного труда: если Россия хочет избежать масштабной партизанской войны, их придется вопреки всем либеральным представлениям принуждать к этому труду.

Напомним, что именно либеральные идеи вследствие своей органической неадекватности российским условиям привели С.В. Кириенко к позорному краху и фактически похоронили этого наиболее перспективного российского политика.

Впрочем, есть и другая, более глубокая и несвязанная с конкретными личностями причина вероятной приверженности В.В. Путина теории и практике российского либерализма. Притягательность последнего для не разбираю-

щихся или не имеющих времени разбираться в макроэкономике людей состоит в том, что он предлагает очень «простые и понятные», как говорил С.В. Кириенко, решения, требующие минимальных административных и интеллектуальных усилий. Стремясь к минимизации затрат времени и сил при решении конкретных задач, всякий далекий от экономики администратор автоматически склонен попадать в болото либерализма и имеет шанс выбраться из него только ценой глубокого изучения экономических проблем, что обычно обходится обществу несоразмерно дорого.

Ясно, что приверженность либеральным подходам приведет государство к органической неспособности справиться со стоящими перед ним экономическими проблемами. Бессилие перед последними породит социально-политическое напряжение, которое вынудит государство подавить недовольство и, возможно, уже в ходе сезонного осеннего кризиса 2000 г. окончательно перешагнуть грань, отделяющую авторитаризм от диктатуры. В этом отношении нет сомнения, что либералы приложат все силы, чтобы из Путина «выковать Пиночета».

Часто приходится слышать, что диктатура в России, опирающаяся на безоглядное применение силы, вплоть до террора, будет противоречить сформировавшейся за последнее десятилетие привычке людей к свободе, натолкнется на активное общественное сопротивление и поэтому будет неустойчива и быстро распадется. Такой подход представляется неоправданным упрощением, вызванным стремлением выдать желаемое за действительное.

Прежде всего, важно понять, что диктатура будет рыночной и не будет мешать большинству россиян (за исключением связанных с Западом) зарабатывать на жизнь так, как они привыкли это делать в последние десять лет.

Демократия же, которой так кичатся российские реформаторы, в условиях страшного обнищания населения коснулась лишь достаточно узкого слоя наиболее обеспеченных граждан и считанного количества крупнейших (и соответственно наиболее богатых) городов. На остальной территории России сложились более или менее цивилизованные, но в целом жестко авторитарные режимы, не позволяющие инакомыслию достичь существенного уровня. Не менее важно и то, что региональным режимам вполне соответствует и менталитет абсолютного большинства населения, т. е. авторитаризм власти находится в относительной гармонии с ожиданиями, настроениями и ценностями граждан.

Поэтому укрепление авторитаризма федеральной власти будет актом гармонизации политического устройства России, устранением «демократического недоразумения», существовавшего для узкого слоя федеральной (преимущественно московской) элиты и прямо противоречившего политическим реалиям подавляющего большинства регионов страны.

Ограничение демократии в центре будет с восторгом принято основной частью региональных политических элит и с пониманием — большинством населения, так как это приблизит условия функционирования федеральной власти и федеральной элиты к существующим на преобладающей территории России и сделает их более понятными, а значит, и более симпатичными.

Еще одна проблема для В.В. Путина — «ловушка Сталина—Брежнева»: неминуемая в условиях существенного ограничения демократии зависимость управляющего центра государства от разросшейся бюрократии. При отсутствии

демократии контроль за системой государственного управления можно удерживать только террором. Как только террор ослабевает (хотя бы из инстинкта самосохранения представителей карательных органов) или прекращается, бюрократия берет под контроль управляющие центры государства, парализует их и погружает страну в застой и разложение.

В первые годы завоевания и закрепления власти эта опасность будет преодолеваться автоматически на основе естественной перетряски аппарата государственного управления и замены представителей чуждых кланов своими соратниками. Глубокая степень разложения российского государства сделает этот процесс полностью оправданным не только с политической, но и с управленческой точки зрения.

При этом новая элита будет, как при Иване Грозном, формироваться не путем того или иного самостоятельного проявления способностей потенциальных кандидатов (как это было отчасти даже при Петре Первом), а прямым их назначением (достаточно убедительной иллюстрацией этого тезиса является формирование в течение трех дней избирательных списков «Единства»).

Между тем у В.В. Путина в запасе есть и иные, менее традиционные методы обуздания государственной бюрократии. Важнейший из них — отказ от назревшей реформы государственного управления (Путин поддержал Миннац — одно из наименее работоспособных российских ведомств). Но главное — *создать новый политикообразующий бизнес*, кормящий и формирующий элиту (отсутствие подобного бизнеса после августа 1998 г. — институциональная причина политической нестабильности летом 1999 г.).

В разные периоды таким бизнесом была либерализация внутренней, а потом внешней торговли, приватизация от чековых до залоговых аукционов, «распил» бюджетных денег (от зачетов до привлечения иностранных спекулянтов к построению «пирамиды» ГКО). На очереди «распил» естественных монополий, который ценой резкого роста уровня издержек в хозяйстве и увеличения опасности техногенных катастроф (учитывая качество планов по реструктуризации естественных монополий) позволит российской элите ценой нового витка деградации России в очередной раз получить миллиарды долларов, еще раз договориться с мировым финансовым сообществом и губернаторами.

Иллюстрация 2. Почему не надо пилить газопровод

Пагубность намечаемой реструктуризации состоит в том, что естественные монополии и называются естественными вследствие их монопольного положения, предопределенного особенностями технологического процесса. Рост их эффективности, в том числе путем повышения «прозрачности», улучшения организационной структуры и финансовых потоков, необходим. Но эта работа может вестись не против естественных монополий, а лишь с полным учетом их интересов.

Сегодня же под реструктуризацией естественных монополий понимают их расчленение, совершенно излишнее с точки зрения повышения их эффективности, но абсолютно необходимое для «переваривания» их наиболее «лакомых» составляющих крупнейшими зарубежными корпорациями.

Подвергшись жесткому фискальному давлению государства, руководители двух крупнейших естественных монополий страны — РАО «ЕЭС России» и ОАО «Газпром» — объявили о начале разделения своих корпораций на независимые друг от друга компании. И, хотя под очевидным политическим давлением государства им пришлось отказаться от своих слов, при сохранении нынешнего характера развития России у них нет никаких иных перспектив.

Последствия такого шага будут тяжелыми. Прежде всего нельзя расчленить единый производственный процесс, идущий, в частности, и в естественных монополиях. Россия проходила это в период приватизации, когда значительная часть крупных производств, слитых в единый технологический процесс, разделилась по технологическому принципу. Это было так же «разумно», как сделать каждого рабочего, стоящего у конвейера, самостоятельным предприятием. Каждое из новых предприятий вынуждено было обзаводиться директором, бухгалтером, юристом, снабженцем, маркетологом, охранником, водителями, секретаршами и просто посредниками. Такого не выдержит никакое производство — оно просто рухнет под грузом чудовищно возросших накладных расходов.

Болезненность приватизации единых технологических комплексов в значительной степени была вызвана именно этим. Экономика России выстояла только потому, что опиралась на естественные монополии. Разделить их на части под видом поощрения конкуренции значит в прямом смысле слова уничтожить экономику страны. Расчленять естественные монополии, как и другие единые технологические комплексы, нельзя и по другой, более частной, причине — из-за неизбежной концентрации прибыли лишь в отдельных технологических звеньях (обычно сбытовых).

Практика преобразований в России убедительно показала, что остальные звенья, даже необходимые для продолжения производства, остаются без средств и деградируют, разрушая в конце концов все производство. А переток средств между независимыми предприятиями не происходит из-за существования в экономике инвестиционных барьеров, в первую очередь из-за незащищенности собственности: вложение средств в неконтролируемое инвестором предприятие чревато их потерей.

Расчленив естественную монополию, государство взвалит на себя целый комплекс проблем по организации взаимодействия новых независимых компаний. Такие проблемы раньше решались в рамках этой естественной монополии. Распределение прибыли по этапам технологического процесса — лишь одна из подобных проблем.

Российское государство заведомо не справится с этими задачами. Так, вопрос о распределении прибыли трансформируется в вопрос о внутренних тарифах, которые устанавливает ФЭК — организация, лоббистские возможности которой намного меньше, чем у естественной монополии. В конце концов, комиссия — это ведь не министерство, и она заведомо не сможет справиться с лоббистским давлением даже осколков естественных монополий.

В более широком плане расчленение естественных монополий приведет к *возложению на государственного чиновника функций коммерческого управления*, т. е. именно к тому, от чего так настойчиво уходила страна на протяжении всех реформ, к тому, чем десять лет пугали страну либерал-реформаторы, лоббирующие это расчленение.

Напомним, что такая передача функций опасна из-за принципиально разной мотивации коммерческого управляющего (например, президента РАО «ЕЭС России») и государственного чиновника. Коммерческий управляющий, вне зависимости от дееспособности идеологических воззрений, в силу занимаемого им положения, отстаивает интересы компании, обеспечивает ее развитие и чувствует ответственность за ее функционирование, пусть только перед ее акционерами.

Государственный чиновник, опять-таки в силу своего положения, никакой ответственности ни за что не чувствует, а отвечает почти исключительно перед своим непосредственным начальником, мотивы которого могут быть далеки от объективных. Вдобавок чиновник по определению не обладает теми специальными знаниями, которые есть у управляющей системы естественной монополии и которые будут утрачены (как комплекс) после ее расчленения. Поэтому сложнейшие управленческие задачи, возникающие в ходе «распила» естественных монополий и, особенно, после него, будут решаться из рук вон плохо.

Расчленяя естественные монополии, государство фактически взваливает на свои плечи функции, которые заведомо не сможет выполнить (например, категорически

несвойственные ему функции оперативного управления). Насильственная реорганизация естественных монополий лишь подрывает их финансовое положение, а значит, и всю экономику, которую они вынужденно дотируют. Результат — отключения энергии, тепла и газа, дезорганизующие жизнь страны, а для естественных монополий — сначала инвестиционный кризис и вынужденные уступки зарубежным капиталам («Газпром», например, собрался продать иностранным инвесторам еще 14,5 % своих акций, доведя их общее количество до 20 %), а затем переход под контроль последних наиболее эффективных частей в ходе стихийного разрушения всего остального.

Непосредственной причиной разрушения станет инвестиционный кризис. По имеющимся оценкам, износ основных фондов естественных монополий достигнет критического уровня в 2003—2005 гг., после чего начнется их хаотическое и неуправляемое выбытие вследствие физического разрушения. Между тем инвестиционный цикл в отраслях естественных монополий составляет не менее пяти лет. Это значит, что Россия не успевает вскочить в «последний вагон отходящего инвестиционного поезда», способного унести ее от распада промышленного потенциала.

Усилия реформаторов по слепому ужесточению фискального давления на естественные монополии (вместо их изучения, «взламывания» информационных барьеров и скрупулезного финансового анализа) лишь усугубляют ситуацию. Достаточно указать, что капиталовложения «Газпрома» в валютном эквиваленте резко и необратимо сократились и вышли на новый, значительно более низкий и заведомо недостаточный для нормального развития уровень именно с началом «кавалерийской атаки команды молодых реформаторов» в 1997 г.

Является ли расчленение естественных монополий единственным видом политикообразующего бизнеса? К сожалению, его другие потенциально возможные виды — идущий при помощи банкротств передел собственности и приватизация земли — неудобны для федеральной элиты, ибо обогащают в первую очередь ее основного политического конкурента — элиты регионов. Это политикообразующий бизнес на ином, более низком и потому труднодоступном для федеральных властей уровне, не в полной мере удовлетворяющем их потребности.

Поэтому наиболее вероятным политикообразующим бизнесом, при помощи которого либеральная московско-питерская «тусовка» будет удерживать власть в случае ее захвата, станет именно «распил» естественных монополий. При этом, как бывало в прошлом не раз, ради достижения практических целей российские либералы с легкостью пожертвуют теми либеральными догмами, которые будут им мешать.

Это относится не только к вынужденному в случае расчленения естественных монополий перекалыванию на государство ряда новых функций, ранее исполнявшихся предприятиями. Это касается и общего ужесточения экономического режима в стране, в частности ограничения экономических свобод.

Иллюстрация 3. *Либералам придется вернуться к государственной монополии на экспорт стратегических товаров*

Наиболее острое положение сложится на валютном рынке: при достижении договоренностей с Лондонским клубом минимальные выплаты России в 2000 г. составят 10,2, а без такого достижения — около 15 млрд долл. Пикового уровня внешние платежи достигнут начиная с 2003 г.

На основании данных платежного баланса за первые три квартала 1999 г. неофициальный вывоз капитала из России (по статьям баланса: пропуски и ошибки, невозврат экспортной выручки и непоставка импортных товаров, невозврат кредитов иностран-

ными заемщиками) равнялся 16,2 млрд долл. — более 80 % положительного сальдо товаров и услуг, составившего за то же время 19,6 млрд долл.

За 1999 г. в целом неофициальный отток капитала достиг не менее 20 млрд долл. К этому надо добавить 10 млрд долл. выплат по внешнему долгу и 7 млрд долл. капитала, пришедшего в Россию. Таким образом, чистый отток капитала из России в 1999 г. составил не менее 23 млрд долл. В 2000 г. он ожидается на том же уровне.

Действующий механизм валютно-экспортного контроля, несмотря на бесспорные успехи, не может справиться с бегством капитала. Продолжение борьбы с ним традиционными административными методами бессмысленно: они доказали свою недостаточность. В России сформировалась мощная инфраструктура «теневого» вывода капитала из страны. Ее финансовые ресурсы сопоставимы с финансовыми ресурсами государства (объем неофициально выведенных из страны капиталов в 1999 г. примерно соответствовал масштабам федерального бюджета — 20 млрд долл.), а интеллектуальные ресурсы значительно превосходят государственные.

Вместе с тем традиционно рекомендуемый либеральными экономистами метод борьбы с утечкой капиталов при помощи улучшения инвестиционного климата также не имеет практического значения, ибо масштабы этой утечки в принципе исключают значимое оздоровление экономики и являются одной из основных причин ее деградации.

Либеральные рецепты, таким образом, напоминают попытки лечить таблетками человека, истекающего кровью из-за разрыва артерии. Совершенно ясно, что таблетки смогут оказать свое позитивное воздействие лишь после того, как артерия будет зашита. «Защитить артерию» можно государственным гарантированием приоритетных инвестиционных проектов, быстро компенсирующим в их отношении недостатки российского инвестиционного климата. В этом случае «валютный пылесос» сохранится, но начнет работать не на вывод капиталов из России, а, напротив, на их затягивание в страну.

Проблема лишь в одном: гарантирование приоритетных инвестиционных проектов («ключ к будущему») России принципиально невозможно в рамках либеральной парадигмы. В этих рамках государство никогда не сможет использовать «валютный пылесос» и, значит, будет вынуждено его разрушить. Неважно, каким именно способом.

Наиболее вероятным и эффективным механизмом такого разрушения представляется введение государственной монополии на экспорт стратегических товаров (достаточно указать, что ТЭК дает 41 % экспорта России, а металлургия — 17 %). В рамках сложившейся инфраструктуры вывода капиталов из России бегство капитала инициируется частным характером экспорта. Например, нефтяные компании продают нефть на экспорт своим оффшорным «дочкам» едва ли не по себестоимости, концентрируя разницу между внутренними и мировыми ценами за пределами страны. Основная часть этих денег в Россию не возвращается.

Конкуренция между российскими производителями на мировых рынках не только ведет к снижению цен на российский экспорт, но и позволяет экспортерам дополнительно занижать официально называемые экспортные цены для прикрытия оттока капитала из страны.

Единственным способом обеспечить необходимый контроль за экспортом российских стратегических товаров и соответственно кардинально сократить нелегальный отток капитала без улучшения инвестиционного климата гарантированием инвестиций при сегодняшнем состоянии государства представляется расширение государственной монополии, существующей в сфере экспорта вооружений (в неполной форме), на экспорт остальных стратегически значимых товаров (преимущественно сырьевых и продукции первого передела, т. е. черной и цветной металлургии).

Это означает, что экспорт таких товаров будет осуществляться через государственные внешнеторговые объединения (ВТО), отраслевая специализация которых исключит возможность сбивания цен экспорта из-за конкуренции между российскими экспортерами.

В то же время российские экспортеры не смогут занижать экспортные цены при продаже своих товаров через ВТО (получая процент от суммы сделки, ВТО будут заинтересованы в максимально высоких и, следовательно, максимально реальных ценах). Это приведет к отмиранию значительной части инфраструктуры вывода капиталов из России (при сохранении собственно маркетинговой сети частных компаний, так как они сохранят право самостоятельно искать покупателей), но главное экспортная прибыль будет оставаться у экспортеров в России, а не выводиться за ее пределы.

В результате экспортная прибыль начнет вкладываться в экономику России, потому что, с одной стороны, ей будет некуда больше деваться, а с другой — сокращение оттока капитала и связанный с ним рост налоговых платежей сами по себе окажут значительное оздоравливающее воздействие на инвестиционный климат России.

Кроме того, введение государственной монополии на экспорт стратегических товаров вызовет принудительную легализацию основной части экспортной выручки. С этой выручки придется начинать платить налоги. Впервые за все время реформ это сделает российских экспортеров кровно заинтересованными в рационализации налоговой системы и проведении налоговой реформы.

Легализация экспортной выручки и ее сокращение за счет роста налоговых поступлений кардинально сократит финансовый потенциал давления на государство со стороны крупных корпораций (оно осуществляется в основном использованием «черных» денег) и тем самым освободит его от контроля со стороны тех или иных олигархов. Наконец, резкое сокращение оттока капитала увеличит валютные запасы страны, что облегчит ситуацию с выплатами внешнего долга.

С мировоззренческой точки зрения введение частичной монополии внешней торговли будет честным признанием действительного уровня развития России, которая является не развитой, а лишь развивающейся страной и поэтому должна использовать более жесткие формы государственного регулирования, соответствующие уровню развития именно развивающихся стран.

Правда, все эти плюсы являются лишь потенциальными. Дело в том, что концентрация экспортной выручки внутри страны и ее скупка Центробанком для погашения внешнего долга вызовет значительную эмиссию, которая будет не обеспечена (так как валюта уйдет из страны на погашение внешнего долга) и образует «рублевый навес» над финансовыми рынками.

Без государственного внебюджетного гарантирования инвестиций этот рублевый навес неизбежно обрушится, вызвав новую дестабилизацию всего экономического организма и новый виток его деградации. В целом без прямого стимулирования инвестиций, без отказа от либерализма любые попытки выплаты внешнего долга вызывают в памяти судьбу Чаушеску.

Подводя итоги, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что вне зависимости от степени и долговременности собственно политического успеха либеральная и потому неизбежно бессильная диктатура обернется необратимой потерей здоровой части общества (которая эмигрирует, а в основном сопьется), а с ней и жизнеспособности России.

Конкретные последствия движения по этому пути зависят от слишком многих переменных. Наихудшим результатом представляется стагнация ВВП или его спад до 2 %, рост промышленного производства на 1 %, стагнация инвестиционного процесса, рост реальных доходов населения не более чем на 1—2 %, девальвация на предусмотренном бюджетом уровне в 37 % (до 37 руб. за долл.) и инфляция примерно на этом же уровне. При движении по этому пути Россия уже в 2001 г. потеряет всякую возможность социально-экономического и политического оздоровления.

Комплексное оздоровление экономики

Несмотря на то что самоубийственный для России вариант либеральной диктатуры кажется наиболее вероятным, выбор именно этого пути еще не предпринят. Стремление к политическому самосохранению рано или поздно толкнет Путина к самостоятельности, в частности к поиску механизмов, способных реально оздоровить экономику.

Важно, чтобы этот толчок не был дан слишком поздно. Ключевым критерием выбора разумной экономической политики и «точкой опоры», с помощью которой можно по-архимедовски перевернуть российскую экономику, представляется масштабное гарантирование инвестиций государством. Наиболее эффективный способ такого гарантирования — переучет векселей первоклассных эмитентов Центробанком.

Если государство не осмелится провести эти мероприятия, его не спасут никакие самые разумные преобразования в других сферах. Осуществление же их способно компенсировать самые грубые промахи. Кроме того, попытка оздоровления получит шанс на удачу только в том случае, если будет сопровождаться эффективной антимонопольной политикой и коренной реорганизацией механизмов государственного управления. Это принципиальные условия успешности преобразований, но нет никаких признаков того, что В.В. Путин в полной мере сознает значимость этой проблемы.

В любом случае по чисто политическим причинам, просто чтобы сохранить имеющуюся у него поддержку, он не может кардинально изменить экономическую политику на первом этапе — в предвыборный период. До 26 марта будут сохранены тенденции, обеспечивающие некоторую минимальную стабильность. Будет предпринят ряд популистских, но в целом незначимых мер (повышение пенсий, зарплат бюджетникам, погашение долгов по пенсиям и зарплатам бюджетникам).

Усугубление бюджетного кризиса, в том числе из-за войны в Чечне, представляется совершенно неизбежным. В результате в марте начнется масштабная эмиссия на социальные нужды и «покупку» регионов, неизбежность которой признал в начале февраля даже первый вице-премьер (а фактически и.о. премьера) М.М. Касьянов.

Курс доллара будет оставаться относительно стабильным, так как он является серьезным фактором внутренней политики России. Фондовый рынок, скорее всего, начнет расти в преддверии президентских выборов с конца февраля. Популярность В.В. Путина ощутимо снизится из-за увязания в Чечне и потере, но останется достаточной для убедительной победы (с учетом степени концентрации власти).

Во II квартале 2000 г. немедленно после выборов начнется жесткая перетряска правительства и администрации президента, причем значительной частью новых назначенцев станут доверенные лица Путина из Санкт-Петербурга, далеко не всегда компетентные.

Если борьба с коррупцией накануне президентских выборов будет достаточно убедительной (Березовский будет демонстративно наказан), Россия сможет договориться с МВФ и Всемирным банком и в июле получить деньги.

Связанный с этим рост фондового рынка, продолжающийся до получения транша МВФ и средств Всемирного банка, «впитает» эмиссионные рубли, в результате чего для большинства субъектов экономики ухудшение экономической конъюнктуры, вызванное ограниченностью внутреннего спроса и начавшимся снижением мировых цен на нефть, останется незамеченным.

«Хорошие новости» на фондовом рынке закончатся к августу, и его рост, как минимум, прекратится. Эмиссионные рубли придут на валютный рынок (хотя бы для фиксации прибыли), что дестабилизирует валютную сферу и вынудит Центробанк значительно ужесточить административное регулирование валютного рынка даже по сравнению с нынешним жестким уровнем. Ситуацию усугубит зерновой кризис (организовать распределение полученной от США гуманитарной помощи российские бюрократы не успеют), сезонное обострение бюджетного кризиса, а затем и начало топливного кризиса, связанного с началом отопительного сезона.

Это позволит руководству страны осознать настоятельную необходимость смены экономической политики уже в III квартале 2000 г. Без уверенного ожидания получения денег МВФ дестабилизация валютного рынка возможна с конца апреля; она сделает наглядной необходимость смены экономической политики уже с мая.

Эта смена может пойти под действием достаточно случайного сочетания личных вкусов и контактов одного человека как в цивилизованном (государственное внебюджетное гарантирование инвестиций), так и в административном направлении (необоснованное ограничение экономической свободы, государственная монополия на стратегический экспорт). И эта неопределенность, имеющая достаточно высокую и экономическую, и социально-политическую цену, представляется одним из принципиальных пороков произошедшего в России ограничения демократии.

Выбор между двумя описанными сценариями даже в самом худшем случае будет оставаться открытым скорее всего до середины мая текущего года. В оптимальном случае, когда политика оздоровления начнет реализовываться в начале лета, рост ВВП сможет достичь 4 %, промышленного производства — 6 %, инвестиций — 4 %, реальных доходов населения — 5 %. Девальвация рубля составит, как и в инерционном варианте, 22 %, инфляция же удержится в пределах 25 %.

* * *

На протяжении второй половины XX в. авторитаризм в России последовательно доказывал свою принципиальную неэффективность и несовместимость с технологическим прогрессом. Не ясно, сможет ли новый российский авторитаризм в начале XXI в. доказать прямо противоположное. Не имея возможности победить это явление, здоровые силы общества будут вынуждены поддерживать его как, хотя и непривлекательную, но неотъемлемую часть нашей Родины.

От редакции: статья была предоставлена автором в январе 2000 г.